

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-96-107

Язык «свергнутой религии»: Твардовский о Боге

Лариса Викторовна Павлова¹
Ирина Викторовна Романова²
Евгений Вячеславович Казарцев³

^{1,2} Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

³ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

¹ pavlar@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9502-6278>

² irina.romanova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4564-7142>

³ kazar@list.ru

Аннотация

В литературе об А. Т. Твардовском тема религиозности писателя затрагивалась редко. Воспоминания современников сохранили разноречивые факты, по которым трудно судить об истинных убеждениях Твардовского. В настоящей статье представлены результаты исследования языка писателя. Материалом послужила его поэзия, привлекались также «Рабочие тетради». Анализ поэтического языка показал, что жизнь церкви, ее язык были знакомы уроженцу смоленской глубинки, как каждому человеку его времени. Показательны многочисленные упоминания о различных церковных реалиях – предметах, строениях, людях, таинствах, праздниках. Предметом исследования стала лексема «Бог», особенности ее функционирования в поэтическом языке Твардовского, а также – для сравнения – в его документальной прозе.

Для раннего Твардовского актуален отказ от «старого мира» и его верований ради марксистско-ленинской идеологии. Одно из ярких свидетельств этого отказа – низведение констант религиозного мышления русского человека до присказок, прибауток и поминания Бога всуе. Наиболее категоричные атеистические высказывания вложены в уста героев поэм, например, Никиты Моргунка и Тёркина. Слово *Бог* в идиоматических выражениях обычно десемантизируется. С Богом сопоставляются чаще всего вожди, политические и культурные кумиры.

Поздний Твардовский существенно смягчает свои атеистические позиции, проявляя признаки стихийной веры. Он пишет покаянную поэму «По праву памяти», становится более осторожен и избирателен в выражениях. Прозаическая речь обогащается более осознанным упоминанием Бога, главным образом, в контекстах высшего суда, покаяния и чудесной помощи. Твардовский выступает против агрессивной идеологической политики, которая грубо пытается заменить одну религию другой. В этом процессе он видит метафизический переход на сторону Зла.

Ключевые слова

А. Т. Твардовский, тема религии, поэтический язык, художественный мир

Для цитирования

Павлова Л. В., Романова И. В., Казарцев Е. В. Язык «свергнутой религии»: Твардовский о Боге // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9: Филология. С. 96–107. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-96-107

© Павлова Л. В., Романова И. В., Казарцев Е. В., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9: Филология. С. 96–107

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 9: Philology, pp. 96–107

The Language of “Overthrown Religion”: Tvardovsky about God

Larisa V. Pavlova¹, Irina V. Romanova², Evgeny V. Kazartsev³

^{1,2} Smolensk State University
Smolensk, Russian Federation

³ National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russian Federation

¹ pavlar@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9502-6278>

² irina.romanova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4564-7142>

³ kazar@list.ru

Abstract

Purpose. In the literature about A. T. Tvardovsky, the theme of the writer's religiosity was rarely touched upon. The memoirs of contemporaries retained contradictory facts, by which it is difficult to judge Tvardovsky's true convictions. This article presents the results of the study of the language of the writer. His poetry served as the material, and “Workbooks” were also involved.

Results. Analysis of the poetic language showed that the life of the church, its language were familiar to a native of the Smolensk hinterland, as to every person of his time. Numerous references to various church realities are indicative – objects, buildings, people, sacraments, holidays. The subject of the research is the lexeme “God” and the peculiarities of its functioning in the poetic language of Tvardovsky, as well as, for comparison, in his documentary prose.

For the early Tvardovsky, the rejection of the “old world” and its beliefs for the sake of Marxist-Leninist ideology is relevant. One of the vivid evidence of this refusal is the reduction of the constants of the religious thinking of the Russian person to sayings, idioms, and mentioning God in vain. The most categorical atheistic statements are put into the mouths of the heroes of the poems, for example, Nikita Morgunok and Terkin. The word God in idiomatic expressions is usually desemantized. Leaders, political and cultural idols are most often compared with God.

Later, Tvardovsky significantly softens his atheistic positions, showing signs of spontaneous faith. He writes the penitential poem “By the Right of Memory”, becomes more careful and selective in expressions. Prose speech is enriched by a more conscious mention of God, mainly in contexts of supreme judgment, repentance and miraculous help. Tvardovsky opposes aggressive ideological policies that rudely try to replace one religion with another. In this process, he sees a metaphysical transition to the side of Evil.

Conclusion. Tvardovsky experienced a spiritual evolution from militant atheism to a spontaneous faith, in which he was most worried about the problems of Higher Judgment and repentance. The highest value for him continued to be a person.

Keywords

A. T. Tvardovsky, the theme of religion, poetic language, the artistic world

For citation

Pavlova L. V., Romanova I. V., Kazartsev E. V. The Language of “Overthrown Religion”: Tvardovsky about God. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 9: Philology, pp. 96–107. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-96-107

Так храм оставленный – все храм,
Кумир поверженный – все бог!

М. Ю. Лермонтов

Введение

«Александр Твардовский был искренне и глубоко верующим человеком», – заявляет поэт и переводчик Е. В. Витковский в приложении к книге Р. М. Романовой «Александр Твардовский: труды и дни» [Романова, 2006, с. 767]. Впрочем, никаких аргументов в доказательство этого утверждения далее не следует.

К. Д. Померанцев приводит фразу Твардовского, произнесенную в 1965 г. в Париже во время визита в составе делегации советских поэтов: «– Не забывайте, что коммунизм – моя религия...»¹.

¹ Померанцев К. Д. Сквозь смерть. Встречи с А. Твардовским и А. Сурковым // Остров – сайт Александра Радашкевича. URL: http://www.radashkevich.info/KD-Pomerancev/KD-Pomerancev_187.html (дата обращения 20.10.2020).

В сборнике воспоминаний о Твардовском найдется несколько красноречивых свидетельств по вопросу об отношении Твардовского к религии. Одно из них принадлежит Г. Брейтбурду. Он рассказывает о премьерном просмотре на сицилийском курорте Таормина фильма П. Пазолини «Евангелие от Матфея», на котором присутствовал Твардовский. Обращают на себя внимание два момента. В фильме закадровый голос читал Евангелие. Брейтбурд хотел было перевести это Твардовскому. Твардовский его остановил: «Это я помню». А после окончания фильма, в котором использовались весьма шокирующие приемы, например русские народные песни, Твардовский подошел к режиссеру и «крепко, на людях (это при его-то нелюбви ко всякой “публичности”», обнял его, расцеловал тройным целованием и сказал так, чтобы его слышали все: – Да если б мне пришлось совершить столь дальнее путешествие, только чтоб посмотреть этот фильм, я и то не считал бы свою поездку напрасной» [Брейтбурд, 1978, с. 392].

Об этом фильме Твардовский потом говорил в Риме на писательском конгрессе, посвященном художественному авангарду. Его рассуждения обнаруживают отнюдь не ортодоксальный христианский взгляд на историю Христа, да и сам евангельский сюжет Твардовский называет мифом:

Если бы мне наперед сказали, что вот поди посмотри фильм Пазолини, в котором древняя и отработанная во всех видах и родах искусства легенда, мифологический материал, предстанет тебе вперемежку с русской песней «Ах ты, степь широкая» и еще иными странностями, то я, пожалуй, подумал бы, что бог весть что это такое, наверно, это какие-то фокусы, а я предпочитаю искусство без фокусов. <...> Он <фильм Пазолини. – Л. П., И. Р.> достаточно причудлив, своенравен по форме, он дерзок, он идет в нарушение великих традиций, он до крайности «авангардистский». Но дело в том, что он воодушевлен благородной идеей, высокочеловечной идеей добра и правды, идеей единства слова и дела, страстным, яростным осуждением того мира, который обрекает человечество на крестные муки. Там нет пафоса страдания, нет любования страданием. Там нет идеи страдания как искупления, там есть протест против тех страданий, которые сулит человечеству несовершенный, несправедливый мир. И в этом его победа, и зритель, кто бы он ни был, легко соглашается с необычностью и непривычностью формы, угадывая это благородное содержание (Твардовский, 1973, с. 317).

Другую важную фразу Твардовского, произнесенную летом 1967 г., приводит Г. Бакланов. Он вспоминает, как Твардовский был у него в гостях на ужине и умилился семьей Бакланова – супругой и детьми. Потом обсуждали, что для настоящего творчества необходим «запас покоя в душе». Уходил Твардовский с фразой: «Ну, ничего, Бог даст вам за ваших детей» [Бакланов, 1978, с. 428].

В итоговой книге Р. М. Романовой «Александр Твардовский: труды и дни» упоминается о посещении умирающего от рака Твардовского Ф. Абрамовым и Г. Троепольским. На вопрос последнего, как его здоровье, Твардовский отозвался «тоном юридического»: «Христос и подушка» [Романова, 2006, с. 760–761].

Еще несколько важных эпизодов приводит в своей статье о системе воззрений Твардовского на политику, нравственность, искусство и религию В. П. Даниленко [2015], не делая, впрочем, никаких выводов.

Даже лучшие советские исследователи творчества Твардовского обходили тему религии (например, [Акаткин, 1977; Кондратович, 1985]). Выпущенные в 2004 г. рабочие материалы для энциклопедии «Александр Трифонович Твардовский» [2004] не содержат словарных статей, посвященных теме религии и ее отражения в языке писателя. В монографических исследованиях о Твардовском последней четверти века затрагиваются вопросы места Твардовского в контексте современной ему литературной жизни [Снигирева, 1997], прозы Твардовского [Новикова, 1999] и его взаимоотношений с поэтической традицией [Иванов, 1999], отношения Твардовского к фольклору [Бессонова, 2006], его деятельности как редактора «Нового мира» [Дмитриев, 2000], природы комического и трагического [Рябова, 2008; Шалдина, 2003], особенностей языка и стиля [Головня, 2010; Девина, 2012; Никитина, 2006], отдельных аспектов художественного мира и т. п. Только в нескольких современных статьях затрагива-

ются темы трансформации Твардовским традиционных христианских представлений [Ефременков, 2006; Ильин, 2015; Титова, 2015].

Противоречивость свидетельств и суждений современников об отношении Твардовского к Богу и уклонение исследователей от скрупулезного рассмотрения этой темы заставили сделать шаг в сторону ее раскрытия. Объективность подхода обусловлена обращением к языку писателя. Материалом исследования стала вся поэзия (лирика и поэмы) А. Т. Твардовского, а также его дневниковая проза, составившая «Рабочие тетради». Методом сплошной выборки были выявлены все случаи употребления лексемы *Бог* и ее производных, реконструированы основные контексты обращения к данной теме.

Результаты исследования

Эпоха соцреализма не благоволила глубокому вниманию к религиозным темам и образам. Исключение делалось, пожалуй, лишь художественному представлению ситуаций под девизом «Бога нет», в силу частого повторения приобретающего характер заклинания. В художественном мире, вслед за реалиями советской жизни, из мировоззрения человека, из палитры переживаемых им чувств и мыслей, изымалось сложное в своих проявлениях духовное наследование христианской традиции, в слове и деле. Свято место, как известно, пусто не бывает, и умы всё более захватывала социальная идея, воодушевляющая видимостью земных перемен к лучшему, перемен «своими силами», а не милостью Божией. Отречение от «старого мира» не предполагало вдумчивой сортировки его ценностей, даже тех, о существовании которых свидетельствовали классическая литература, декларируемо почитаемая, опыт отцов и матерей, предлагаемый как проверенные ориентиры в море житейском, собственные впечатления детства и юности. Много позже об этом «обрубании корней» напишет в поэме «По праву памяти» Александр Трифонович Твардовский:

А мы, кичась неверьем в бога,
Во имя собственных святых
Той жертвы требовали строго:
Отринь отца и мать отринь
(Твардовский, 1987, с. 10).

Твардовский – один из тех, кто познал путь и цену этого отречения. Отречения, а не незнания христианской традиции. Язык церкви, ее каждодневная жизнь были знакомы уроженцу смоленской глубинки, как каждому человеку его времени. Показательны многочисленные упоминания о различных церковных реалиях – предметах, строениях, людях, таинствах, праздниках и пр. В его стихах встречаются *святой, грех, крестить(ся), крестный ход, молиться, венчать(ся), колокольня, богомол, угодник, монах, подрясник, паломник, пономарь, икона, образ, купель, служба, треба, обедня, епархия, Лавра* и др.

Здесь бухали колокола
На двадцать деревень,
Престол и ярмарка была
В зеленый духов день
(Твардовский, 1976–1983, т. 1, с. 231) ².

Однако всё это, так хорошо знакомое и привычное, лишь приметы прошлого, отказ от которого – залог скорейшего торжества нового и прекрасного уклада. «Глубинная, искренняя приверженность молодого поэта-максималиста, комсомольца “ленинского призыва” (1924 г.) новой, отнюдь не христианской вере, в достоинстве и истинности которой он определенное время не сомневался» [Шалдина, 2003], заявлена в его стихах открыто. Одно из ярких свидетельств этого отказа – низведение констант религиозного мышления русского человека до присказок и прибауток, чертыхания и поминания Бога всуе.

² Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием в круглых скобках тома и страницы.

Так, к месту и не к месту повторяет (5 раз!) молодой шофер в «Стране Муравии» нигилистически-радостно «Нету Бога», «Бога нет»: «Извиняюсь, бога нет. <...> – Ладно, дед. Нету бога, / – Прицепляйся на буксир» (т. 1, с. 277); «Жду тебя к себе на свадьбу, / Приглашаю, бога нет!..» (т. 1, с. 279). Актуальное «Бога нет» пополняет привычный ресурс выражений-междометий с Богом и чертом, запас которых в произведениях Твардовского разнообразен.

Идиоматические выражения и пословицы с *Бог* в произведениях А. Твардовского:

1) *Боже мой* (3 употребления): «До чего же хороши, / Боже ты мой, кони!» (т. 1, с. 266); «Но боже мой, и все-таки неправда, / Что Жизнь с годами сходит вся на клин» (т. 3, с. 203); «Его мужицкое тщеславье, / О, как выиграло – боже мой!» (Твардовский, 1987, с. 8);

2) *Ей-богу* (2): «– Да как же, братцы, – зрячий он. / – Ей-богу, был слепой (т. 1, с. 273); «Полюбите вы его, / Девушки, ей-богу!» (т. 2, с. 259);

3) *Дай бог* (2): «Только молвит, провожая: – / Воротиться дай вам бог...» (т. 2, с. 169); «Она не блекнет за последней гранью, / Та слава, что на жизненном пути – / Не меньшее, чем подвиг – испытанье, – / Дай бог еще его перенести» (т. 3, с. 297);

4) *У Бога дней (много)* (2): «Косить еще успеется, / На все у бога дни...» (т. 1, с. 283); «У бога дней не так уж много, / Но стану ль попусту скорбеть, / Когда не вся еще дорога / И есть, что видеть, есть, что петь» (т. 3, с. 253);

5) *Бог с тобою / с ним* (2): «– Бог с тобою, разве можно... / Помолчи уж, помолчи» (т. 2, с. 206); «И о замысле своем / Не жалел я, а подумал: / Бог с ним – глядь, еще умрем» (т. 3, с. 17);

6) *Бог (в) помощь* (1): «– Бог помощь, граждане, / Колхозники ай нет?...» (т. 1, с. 283);

7) *Ни боже мой* (1): «Весь год – и летом и зимой, / Ныряют утки в озере. / И никакой, ни боже мой, – / Коммунии, колхозии!..» (т. 1, с. 242);

8) *Не приведи Бог* (1): «Чужой солдат вошел в ваш дом, / Где свой не мог войти. / Вам не случилось быть при том? / И бог не приведи!» (т. 2, с. 353);

9) *Избави Бог* (1): «Покамест молод, малый спрос: / Играй. Но бог избави, / Чтоб до седых дожить волос, / Служа пустой забаве» (т. 3, с. 82);

10) *Береги Бог* (1): «Но вдруг подумать: / Нет, спасибо в шапку, / От этой сласти береги нас бог» (т. 3, с. 199);

11) *Бог послал* (1): «Я рад любому месту в мире, / Как новожил московский тот, / Что счастлив жить в любой квартире, / Какую бог ему пошлет» (т. 3, с. 220);

12) *Бог нанес* (1): «Дивись, отец, всплакни, родная, / Какого гостя бог нанес» (Твардовский, 1987, с. 5);

13) *Бог весть* (1): «Не бог весть где, не край земли, / А край такой же серединный» (т. 3, с. 232);

14) *Слава Богу* (1): «Ты жив-здоров – и слава богу» (т. 3, с. 320);

15) *Боже сохрани* (1): «– Да я ж!.. Да господи спаси, / Да боже сохрани!.. / Скажи – коси, скажи – носи, / Скажи – ворочай пни!..» (т. 1, с. 290);

16) *Богом данный* (1): «Из фонда богом данных лет / Ты краю этому и года / Не уделил» (т. 3, с. 302).

Во всех приведенных случаях лексема *Бог* не является полнозначной. Она закреплена традицией и может быть заменена смысловыми эквивалентами. Вместе с тем примечательно, как Никита Моргунок, постоянно приговаривавший в дороге «Бога нет», на обмолоте стараясь доказать свою готовность потрудиться, усердно божится (пример 15). Поговорку вроде «У Бога дней много» автор вкладывает в «Стране Муравии» в уста деда, а в поэме «За далью – даль» оставляет в авторской речи, рассуждая о молодости, зрелости и сроке дружбы, и от этих слов веет исповедальностью (пример 4).

Образов, реализующих парадигму, где один из компонентов «Бог», значительно меньше, чем божбы.

В «Тёркине на том свете» неудивительно, что герой, перемещаясь в мир иной, восклицает: «– Что за чертовщина!» Его огорчение и досада не могут найти утешения в силу атеистических убеждений героя:

Даром все – легко ль смириться –
Годы мук, надежд, труда...
Был бы Бог, так помолиться.
А как нету – что тогда?
(т. 3, с. 374)

Верит он только в человека.

Вместе с тем в характеристике самого Тёркина, его войсковой принадлежности, возникает лексема *бог*: Тёркин сопоставляется с богом войны:

Тёркин – тем ли, этим боком –
В жизни воинской своей
Близок был в раскате дней
И с войны могучим богом,
И гремел по тем дорогам
С маршем танковых частей,
И везде имел друзей,
Оставаясь в смысле строгом
За царицею полей
(т. 3, с. 377).

Образ сопоставления «Бог» привлекает Твардовский для создания образов советских вождей. Так, в поэме «По праву памяти» несколько раз появляется образ, реализующий парадигму «Сталин → Бог», в осуждающем за присвоенную себе запредельную высоту и величие контексте:

Средь наших праздников и буден
Не всякий даже вспомнить мог,
С каким уставом к смертным людям
Взывал их посетивший бог.
Он говорил: иди за мною,
Оставь отца и мать свою,
Все мимолетное, земное
Оставь – и будешь ты в раю
(Твардовский, 1987, с. 10).

В «Рабочих тетрадах», комментируя создание этой главы, Твардовский признается:

Конец, м[ожет] б[ыть], насчет «автора этих строк», где должно быть сказано, что личной злой памяти у меня нет, что с той, да и до той поры, как он сказал, что сын не ответчик за отца, я был преисполнен веры в него и обожествления, не допускающего ни йоты сомнения или, тем паче, скепсиса. А уж после того как он и раз, и два, и три отметил меня, ввел в первый ряд, то и говорить нечего. Я был сталинистом, хотя и не дубовым, и очень болезненно поначалу воспринимал противокультурные мероприятия... И с тем большим правом я могу видеть в нем, в имени самом – символ всего ужасного, что совершается в нашей истории и отбрасывает страну к идеям и тенденциям великодержавности, догматизма, китайщины, к духовному обнищанию по линии не только литературы и искусства (6.III.69) (Твардовский, 2004, № 4, с. 176).

Вопрос о (не)допустимости обожествления Сталина стал предметом серьезных дискуссий и расхождений Твардовского со скульптором С. Т. Коненковым. Планировалось, что Коненков выполнит скульптурный портрет Василия Тёркина. Однако именно разногласия с Твардовским по поводу отношения к Сталину стали причиной отказа Коненкова от работы. Твардовский комментировал эту размолвку так:

Сочетание кичливой веры в бога, Христа с бездумным, дремучим сталинизмом.
– Сталин – сын божий. А что кровь – так это он выполнял волю божью. А его выбросили из Мавзолея.
<...> Цитировал «Тёркина», показывал обвязанный «объект» – «белого Тёркина», но когда дошло до бога и Сталина и я кое в чем возразил, обозвал меня дураком и заявил, что не будет делать «Тёркина». – Воля ваша, С[ергей] Т[имофеевич] (25.IV.68) (Твардовский, 2003, № 8, с. 160).

Ленин в поэтическом мире Твардовского противопоставлен Сталину на оси «Бог – не Бог». На одном полюсе образ, реализующий парадигмы «Сталин → Бог» и «Сталин → Бог-Отец». На другом – парадигма с основанием сопоставления «Ленин», представленная в отрицательном сравнении «не был Богом», т. е. не превозносил себя без меры.

<...> И Ленин нас судить не встанет:

Он не был богом и в живых.
А вы, что ныне норовите
Вернуть былую благодать,
Так вы уж Сталина зовите –
Он богом был – Он может встать.

И что он легок на помине
В подлунном мире, бог-отец,
О том свидетельствует ныне
Его китайский образец...
(Твардовский, 1987, с. 14).

Ошибкой современников Твардовский считал обожествление Ленина и превращение его сочинений в догму. В качестве примера догматического учения в «Рабочих тетрадях» он приводит Священное Писание, выстраивая тем самым парадигму «труды Ленина → Священное Писание → догма»:

<...> вряд ли великий Ленин был бы доволен тем, что мы малейшее наше утверждение спешим подкрепить цитатой из него, точно книжники-богословы из священного писания. Сколько раз повторяли: марксизм не догма, но неизменно обращаемся к нему как к догматическим текстам: гл[ава] такая-то, стих такой-то (10.V.67) (Твардовский, 2002, № 9, с. 182).

Ответственность каждого человека за свои поступки – тоже, в представлении Твардовского, необходимая мера измерения человечности – в противоположность богам:

В минуты памятные эти –
На тризне грозного отца –
Мы стали полностью в ответе
За все на свете – До конца.

И не сробели на дороге,
Минуя трудный поворот.
Что ж, сами люди, а не боги
Смотреть обязаны вперед
(т. 3, с. 313).

С Богом сопоставляется и Лев Толстой в стихотворении «Вся суть в одном-единственном завете...». То главное и заветное, о чем собирается откровенно сказать поэт, не может быть передоверено никому, даже самым большим авторитетам в литературе и нравственной жизни, таким, как Толстой. Впрочем, выражение «пусть себе он бог» сохраняет оттенок иронии, указывает на собственную оценку Толстым своей личности. В этом контексте Твардовский противопоставляет себя-«смертного» Толстому-«богу».

Сказать то слово никому другому
Я никогда бы ни за что не мог
Передоверить. Даже Льву Толстому –
Нельзя. Не скажет – пусть себе он бог
(т. 3, с. 112).

По свидетельству Твардовского, в молодости его кумиром в литературе, «божеством» был Некрасов (10.V.67) (Твардовский, 2002, № 9, с. 183).

Твардовский не только сам себя ощущает простым смертным, но и собратьев по перу в одноименном стихотворении (т. 3, с. 115) оценивает в этой же парадигме. Оправданием писателям за низкое качество их творений и за человеческую фальшь, поэтическое лицемерие служит пословица «не боги горшки обжигают». Используя ее как чужое слово, богам он противопоставляет уже не просто смертных, но мастеров.

В поэме «За далью – даль» большая роль отводится читателю, к которому открыто обращается автор. Выстраивается сложная, антонимичная парадигма «читатель → друг, высший судья, наставник строгий, отец» и вместе с тем «читатель → лстец неосторожный, вредный квасец, крайним слабостям потатчик, скорый на расправу, начетчик, цитатчик, прокурор». В силу такой противоречивости образа читателя Твардовский отказывает ему в статусе бога для автора: «Но и тебя не прочу в боги, / Лепить не буду новый культ» (т. 3, с. 319).

В документальной прозе («Рабочих тетрадах»), в отличие от поэзии с ее лирическими и лиро-эпическими персонажами, подразумевается исключительно прямое высказывание. Здесь идиоматические выражения с лексемой *бог* имеют явную тенденцию к семантизации. Ф. Ф. Фархутдинова, исследовавшая особенности фразеологии в «Рабочих тетрадах», также отметила лингвокультурную особенность фразеологического словаря Твардовского – актуальность фразеологических единиц с компонентом *бог* и *грех*, что интерпретируется как «сущностное проявление лингвокультуры инакомыслия»: «Самая удивительная, с нашей точки зрения, лингвокультурная особенность фразеологического словаря Твардовского связана с тем, что в нем актуальны ФЕ с компонентами *бог*, *грех*: бог весть, явиться на свет божий, вывести на свет божий, слава богу, грех с души, видит бог, дай бог / не дай бог, взятие этого греха на душу, бог с ними (с ней), бог знает сколько, боже мой!, слава тебе, господи!, ни богу, ни кесарю; господи, буди милостив нам, грешным; бог его знает. Известно, что Твардовский был атеистом, но в соответствии с русской культурной традицией из вариантного ряда ФЕ с компонентами *бог* / *черт* он отдает предпочтение оборотам с компонентом *бог*. И в этом тоже есть сущностное проявление лингвокультуры инакомыслия» [Фархутдинова, 2010, с. 60].

Некоторые упоминания Бога у позднего Твардовского выходят за пределы междометий и идиом и сознательно семантизируются: «Сегодня жду на подпись беловик – и – с богом» (18.Ш.69) (Твардовский, 2004, № 5, с. 140); «С богом! Довольно неясности и бесплодных томлений на старости лет!» (16.І.70) (Твардовский, 2005, № 9, с. 153); «Политический гений т. Шауры и выше сказался со всей недвусмысленностью в назначении Ф. Таурина членом редколлегии “Н[ового] М[ира]” по разделу прозы (вместо бедного, слабого и большого Дороша, бог ему судья <...>» (17.V.70) (Твардовский, 2005, № 10, с. 161).

Порой встречаются и цитаты, например, из Откровения Иоанна Богослова: «Дем[ентьев] был вчера на встрече с судьей Смирновым (арестовав, ходили по организациям, разъясня, зачем арестовали; осудив, ходят разъяснять, почему так осудили, – чудны дела твои, господи!)» (3.Ш.66) (Твардовский, 2002, № 4, с. 154); из Жития пророка Аввакума³: «Выбрался оттуда, из-за зоны, где “оно” или “это” (как выразился Б. Бабочкин) – главная реальность, к которой сводится вся остальная – долгая или короткая реальность законная, т. е. жизнь, и нужно втягиваться, входить в ритм этой реальности, которая оттуда представляется почти что мнимостью, во всяком случае – очень конечной, очень быстротечной и обманной. Ну и давай бог! “Ино еще побредем”» (27.VIII.69) (Твардовский, 2004, № 10, с. 150).

Обращает на себя внимание запись, датированная 24 октября 1968 г. В ней Твардовский запечатлевает работу над главой поэмы «По праву памяти», позднее названной «Сын за отца не отвечает»:

Найти в Евангелии цитату, соответствующую смыслу «Покинь отца и мать покинь» и, м[ожет] б[ыть], поставить эпиграфом к «Сыну-отцу».

М[ежду] п[рочим], замечал это и раньше, например, в наших изданиях Бунина, а теперь увидел в «Бр[атьях] Карамазовых» – какая дикость заменять у классиков их написание слов Бог и соотв[етствующих] местоимений с прописной – строчной. В одном месте даже смысл обрывается из-за этого, когда вместо «к Нему» – «к нему». Это не что иное, как поправка, стремление поправить чисто внешние привилегии свергнутой религии, принизить ее во славу другой религии. Точь-в-точь как при замещении Эхнатона знаков величия Амона знаками величия Атона (?) и вслед за тем – обратные мероприятия (Твардовский, 2003, № 10, с. 158).

³ Развернутые параллели между Твардовским и пророком Аввакумом проводит В. В. Ильин в книге «“Сколько душам был я нужен...” А. Т. Твардовский: очерки психологии творчества» [2009, с. 282–284].

Еще более ранняя запись в «Рабочих тетрадах», датированная 4 апреля 1966 г., свидетельствует о том, что Твардовский солидаризируется с опальным Бердяевым в оценке «гипертрофии “государственности”» и глобального духовного кризиса. Эти мысли, по признанию Твардовского, родились у него еще раньше Бердяева:

...о своеобразной религиозно-фанатической антирелигиозной нашей политике. Мы не просто не верим в бога, но мы «предались сатане», – в угоду ему оскорбляем религиозные чувства людей, не довольствуемся всемирным процессом отхода от религии в связи с приобщением к культуре, а хотим немедленно поломать и низвергнуть старых богов и заменить их своими, что м[ежду] пр[очим] и на Маркизских островах привело к падению нравов, скуке быта, росту преступности. Мы насильственно, как только делает вера завоевателей в отношении веры завоеванных, лишили жизнь людей нашей страны благообразием и поэзии неизменных и вечных ее рубежей – рождение, венчание, похороны и т. п. Наверно, я еще напишу о вступлении в колхоз всем селом, отслужившим молебен, помолвившимся о новой лучшей и справедливой жизни, и о том, что было потом (попа посадили, в колхозе выявили кулаков и подкулачников, имущество роздали, дома заняли и т. д.) (27.II.66) (Твардовский, 2002, № 4, с. 151).

Заключение

В целом можно утверждать, что Твардовский пережил духовную эволюцию, нашедшую отражение в языке его поэзии и документальной прозы. Ее начальным этапом был воинствующий атеизм, находящийся на грани с язычеством и идолопоклонством в период «личного сталинизма». Это выражалось и в оклеивании в родительском доме в Загорье красного угла газетными вырезками с изображением вождей и идеологов революции⁴, и в решительном разрыве с семьей и всем ее укладом, и в нарочитом повторении в поэзии «Бога нет» (впрочем, как правило, переадресованном своим героям (Моргунку, Тёркину)), и в поэтизации лексемы «чёрт» (что само по себе заслуживает отдельного исследования). Поздний Твардовский существенно смягчает свои атеистические позиции, проявляя признаки стихийной веры. На уровне жизнетворчества он пишет покаянную поэму «По праву памяти». Меняется и его язык. Он становится более осторожен и избирателен в выражениях. Прозаическая речь обогащается более осознанным упоминанием Бога, главным образом, в контекстах Высшего Суда, покаяния и чудесной помощи. В поэтическом дискурсе всё чаще осуждается обожествление людей, хотя высшей ценностью продолжает оставаться человек. Твардовский-редактор всё настойчивее выступает против агрессивной идеологической политики, которая грубо пытается заменить одну религию другой. В этом процессе он видит не проявление атеизма как системы убеждений, а метафизический переход на сторону Зла. Твардовский чувствует, как этому сопротивляется не только сознание, не только совесть, но и язык.

Список литературы

- Акаткин В. М.** Александр Твардовский. Стих и проза. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. 214 с.
- Александр Трифонович Твардовский. Энциклопедия (рабочие материалы). Смоленск: СГПУ, 2004. 456 с.
- Бакланов Г.** Остановить мгновенье // Воспоминания об А. Твардовском. М.: Сов. писатель, 1978. С. 413–435.
- Бессонова Л. П.** Фольклорные традиции в эпической поэзии А. Т. Твардовского: Дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2006. 180 с.
- Брейтбурд Г.** Твардовский в Италии // Воспоминания об А. Твардовском. М.: Сов. писатель, 1978. С. 391–397.

⁴ Из первого стихотворения Твардовского «Новая изба», опубликованного в газете «Смоленская деревня» 19 июля 1925 г.:

А в углу мы «богов» не повесим,
И не будет лампадка тлеть.
Вместо этой дедовской плесени
Из угла будет Ленин глядеть.

- Головня М. В.** Средства выражения оценки в поэтическом языке А. Т. Твардовского: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 184 с.
- Даниленко В. П.** «Что нужно, чтобы жить с умом?». О дневниках Александра Твардовского // *Magister Dixit*. 2015. № 3 (19). С. 3–16.
- Девина О. В.** Авторская модальность в произведениях А. Т. Твардовского: Дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2012. 211 р.
- Дмитриев Д. П.** «Новый мир» А. Т. Твардовского: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 196 р.
- Ефременков М. С.** Темы и идеи христианства в произведениях А. Т. Твардовского // «По праву памяти живой...»: Материалы I Твардовских чтений. Смоленск: Маджента, 2006. С. 113–125.
- Иванов Ю. П.** Александр Твардовский и русские поэты фронтового поколения: Проблемы идейно-творческой эволюции: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1999. 50 с.
- Ильин В. В.** «Скольким душам был я нужен...» А. Т. Твардовский: очерки психологии творчества. Смоленск: Маджента, 2009. 456 с.
- Ильин В. В.** Мифы и реальности поэтики Александра Твардовского // *Литературное наследие А. Т. Твардовского в смене поколений*. Смоленск: Свиток, 2015. С. 17–25.
- Кондратович А. И.** Александр Твардовский: Поэзия и личность. М.: Худож. лит., 1985. 318 с.
- Никитина Н. В.** Ономастическое пространство поэзии А. Т. Твардовского: Дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2006. 226 р.
- Новикова О. А.** Проблемы «малой прозы» 1940–1960-х годов: «Рабочие тетради» А. Т. Твардовского: Дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 1999. 194 с.
- Романова Р. М.** Александр Твардовский: труды и дни. М.: Водолей, 2006. 767 с.
- Рябова Т. А.** Проблемы комического и трагического в творчестве А. Т. Твардовского: Дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2008. 219 с.
- Снигирева Т. А.** А. Т. Твардовский: поэт и его эпоха. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. 380 с.
- Титова Т. А.** Образ пространства в поэме А. Т. Твардовского «Тёркин на том свете» // *Литературное наследие А. Т. Твардовского в смене поколений*. Смоленск: Свиток, 2015. С. 127–132.
- Фархутдинова Ф. Ф.** Личность – время – фразеология в главной книге А. Т. Твардовского // А. Т. Твардовский: исследования и материалы (международная научная конференция «Творчество А. Т. Твардовского в контексте русской и мировой культуры» (5–7 октября 2010 г.)). Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2010. Вып. 1. С. 52–61.
- Шалдина Р. В.** Творчество А. Т. Твардовского: природа смеха: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 190 с.

Список источников

- Померанцев К. Д.** Сквозь смерть. Встречи с А. Твардовским и А. Сурковым // *Остров – сайт Александра Радашкевича*. URL: http://www.radashkevich.info/KD-Pomerancev/KD-Pomerancev_187.html (дата обращения 20.10.2020).
- Твардовский А. Т.** О литературе. М.: Современник, 1973. 448 с.
- Твардовский А. Т.** По праву памяти // *Знамя*. 1987. № 2. С. 3–15.
- Твардовский А.** Рабочие тетради 60-х годов // *Знамя*. 2002. № 4. С. 136–186; № 9. С. 171–200; 2003. № 8. С. 136–171; № 10. С. 137–177; 2004. № 4. С. 160–187; № 5. С. 138–167; № 10. С. 141–166.
- Твардовский А.** Рабочие тетради // *Знамя*. 2005. № 9. С. 150–174; № 10. С. 147–180.
- Твардовский А. Т.** *Собр. соч.*: В 6 т. М.: Худож. лит., 1976–1983.

References

- Akatkin V. M.** Aleksandr Tvardovsky. Stikh i proza [Alexander Tvardovsky. Verse and Prose]. Voronezh, Voronezh Uni. Press, 1977, 214 p. (in Russ.)

- Aleksandr Trifonovich Tvardovsky. Entsiklopediya (rabochie materialy) [Alexander Trifonovich Tvardovsky. Encyclopedia (Working Materials)]. Smolensk, SSPU Press, 2004, 456 p. (in Russ.)
- Baklanov G.** Ostanovit' mgnoven'e [Stop the moment]. In: Vospominaniya ob A. Tvardovskom [Memoirs about A. Tvardovsky]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1978, pp. 413–435. (in Russ.)
- Bessonova L. P.** Fol'klornye traditsii v epicheskoi poezii A. T. Tvardovskogo [Folklore Traditions in the Epic Poetry of A. T. Tvardovsky]. Cand. Philol. Sci. Syn. Diss. Maikop, 2006, 180 p. (in Russ.)
- Breitbart G.** Tvardovsky v Italii [Tvardovsky in Italy]. In: Vospominaniia ob A. Tvardovskom [Memoirs about A. Tvardovsky]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1978, pp. 391–397. (in Russ.)
- Danilenko V. P.** “Chto nuzhno, chtoby zhit' s umom?”. O dnevnikakh Aleksandra Tvardovskogo [“What Does It Take to Live Wisely?” On the Diaries of Alexander Tvardovsky]. *Magister Dixit*, 2015, no. 3 (19), pp. 3–16. (in Russ.)
- Devina O. V.** Avtorskaya modal'nost' v proizvedeniyakh A. T. Tvardovskogo [The Author's Modality in the Works of A. T. Tvardovsky]. Cand. Philol. Sci. Syn. Diss. Kaliningrad, 2012, 211 p. (in Russ.)
- Dmitriev D. P.** “Novyi mir” A. T. Tvardovskogo [Tvardovsky's “New World”]. Cand. Philol. Sci. Syn. Diss. Moscow, 2000, 196 p. (in Russ.)
- Efremenkov M. S.** Temy i ideikhristianstva v proizvedeniyakh A. T. Tvardovskogo [Themes and Ideas of Christianity in the Works by A. T. Tvardovsky]. In: “Po pravu pamyati zhivoi...”: Materialy I Tvardovskikh chtenii [“By the Right of Memory Alive...”: Materials of the 1st Tvardovsky Readings]. Smolensk, Madzhenta Publ., 2006, pp. 113–125. (in Russ.)
- Farkhutdinova F. F.** Lichnost' – vremia – frazeologiya v glavnoi knige A. T. Tvardovskogo [Personality – Time – Phraseology in the Main Book of A. T. Tvardovsky]. In: A. T. Tvardovsky: issledovaniya i materialy (mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya “Tvorchestvo A. T. Tvardovskogo v kontekste russkoi i mirovoi kul'tury” (5–7 oktyabrya 2010 g.)) [A. T. Tvardovsky: Research and Materials (International Academic Conference “Creativity of A. T. Tvardovsky in the Context of Russian and World Culture” (October 5–7, 2010))]. Smolensk, SmoISU Press, 2010, vol. 1, p. 52–61. (in Russ.)
- Golovnya M. V.** Sredstva vyrazheniya otsenki v poeticheskom yazyke A. T. Tvardovskogo [Means of Expressing Evaluation in the Poetic Language of A. T. Tvardovsky]. Cand. Philol. Sci. Syn. Diss. Moscow, 2010, 184 p. (in Russ.)
- Ilin V. V.** “Skol'kim dusham byl ia nuzhen...” A. T. Tvardovsky: ocherki psikhologii tvorchestva [“How Many Souls Needed Me...” A. T. Tvardovsky: Essays on the Psychology of Creativity]. Smolensk, Madzhenta Publ., 2009, 456 p. (in Russ.)
- Ilin V. V.** Mify i real'nosti poetiki Aleksandra Tvardovskogo [Myths and Realities of Alexander Tvardovsky's Poetics]. In: Literaturnoe nasledie A. T. Tvardovskogo v smene pokolenii [Tvardovsky's Literary Heritage in the Change of Generations]. Smolensk, Svitok Publ., 2015, pp. 17–25. (in Russ.)
- Ivanov Yu. P.** Aleksandr Tvardovsky i russkie poety frontovogo pokoleniya: Problemy ideino-tvorcheskoi evoliutsii [Alexander Tvardovsky and Russian poets of the front generation: Problems of ideological and creative evolution]. Abstract of Dr. Philol. Sci. Diss. St. Petersburg, 1999, 50 p. (in Russ.)
- Kondratovich A. I.** Aleksandr Tvardovsky: Poeziya i lichnost' [Alexander Tvardovsky: Poetry and Personality]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1985, 318 p. (in Russ.)
- Nikitina N. V.** Onomasticheskoe prostranstvo poezii A. T. Tvardovskogo [Onomastic Space of A. T. Tvardovsky's Poetry]. Cand. Philol. Sci. Syn. Diss. Smolensk, 2006, 226 p. (in Russ.)
- Novikova O. A.** Problemy “maloi prozy” 1940–1960-kh godov: “Rabochie tetrad” A. T. Tvardovskogo [Problems of “Small Prose” of the 1940–1960s: “Workbooks” by A. T. Tvardovsky]. Cand. Philol. Sci. Syn. Diss. Smolensk, 1999, 194 p. (in Russ.)

- Romanova R. M.** Aleksandr Tvardovsky: trudy i dni [Alexander Tvardovsky: Works and Days]. Moscow, Vodolei Publ., 2006, 767 p. (in Russ.)
- Ryabova T. A.** Problemy komicheskogo i tragicheskogo v tvorchestve A. T. Tvardovskogo [Problems of the Comic and the Tragic in A. T. Tvardovsky's works]. Cand. Philol. Sci. Syn. Diss. Smolensk, 2008, 219 p. (in Russ.)
- Shaldina R. V.** Tvorchestvo A. T. Tvardovskogo: priroda smekha [Creativity of A. T. Tvardovsky: the Nature of Laughter]. Cand. Philol. Sci. Syn. Diss. Ekaterinburg, 2003, 190 p.
- Snigireva T. A.** A. T. Tvardovsky: poet i ego epokha [Tvardovsky: the Poet and His Era]. Ekaterinburg, Ural Uni. Press, 1997, 380 p. (in Russ.)
- Titova T. A.** Obraz prostranstva v poeme A. T. Tvardovskogo "Terkin na tom svete" [The Image of Space in A. T. Tvardovsky's Poem "Terkin in the Afterlife"]. In: Literaturnoe nasledie A. T. Tvardovskogo v smene pokolenii [Tvardovsky's Literary Heritage at the Shift of Generations]. Smolensk, Svitok Publ., 2015, pp. 127–132. (in Russ.)

List of Sources

- Pomerantsev K. D.** Skvoz' smert'. Vstrechi s A. Tvardovskim i A. Surkovym [Through death. Meetings with A. Tvardovsky and A. Surkov]. In: Ostrov – sait Aleksandra Radashkevicha [Island – site of Alexander Radashkevich]. (in Russ.) URL: http://www.radashkevich.info/KD-Pomerancev/KD-Pomerancev_187.html (accessed 20.10.2020).
- Tvardovsky A.** Rabochie tetradi [Workbooks of the 60s]. *Znamya [Banner]*, 2005, no. 9, pp. 150–174; no. 10, pp. 147–180. (in Russ.)
- Tvardovsky A.** Rabochie tetradi 60-kh godov [Workbooks of the 60s]. *Znamia [Banner]*, 2002, no. 4, pp. 136–186; no. 9, pp. 171–200; 2003, no. 8, pp. 136–171; no. 10, pp. 137–177; 2004, no. 4, pp. 160–187; no. 5, pp. 138–167; no. 10, pp. 141–166. (in Russ.)
- Tvardovsky A. T.** Po pravu pamiati [By the Right of Memory]. *Znamia [Banner]*, 1987, no. 2, pp. 3–15. (in Russ.)
- Tvardovsky A. T.** Collected Works. In 6 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1976–1983. (in Russ.)
- Tvardovsky A. T.** O literature [On Literature]. Moscow, Sovremennik Publ., 1973, 448 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Лариса Викторовна Павлова, доктор филологических наук, профессор
Ирина Викторовна Романова, доктор филологических наук, профессор
Евгений Вячеславович Казарцев, доктор филологических наук, профессор

Information about the Authors

Larisa V. Pavlova, Doctor of Sciences (Philology), Professor
Irina V. Romanova, Doctor of Sciences (Philology), Professor
Evgeny V. Kazartsev, Doctor of Sciences (Philology), Professor

*Статья поступила в редакцию 07.03.2021;
одобрена после рецензирования 01.09.2021; принята к публикации 01.09.2021
The article was submitted 07.03.2021;
approved after reviewing 01.09.2021; accepted for publication 01.09.2021*